

В тот миг выражение его лица стало трудноописуемым, странным — нечто среднее между глубокой задумчивостью и полной растерянностью.

Он пристально посмотрел на бусину, погладил её большим пальцем, а затем, нахмурившись, поднёс к самому носу и принялся.

Сюэ Сянь: «.....»

Он закатил глаза, внезапно почувствовав себя крайне неудобно.

Хорошо ещё, что его нынешнее состояние далеко от идеала и между ним и Золотой бусиной не установлена связь души и тела, иначе... от такого бесцеремонного ощупывания и обнюхивания Сюэ Сянь наверняка не сдержался бы и вцепился когтями прямо в это лицо.

Внутри него бурлили сотни проклятий в адрес лысого монаха, но, поскольку рот был намертво залеплен, издать хоть звук не представлялось возможным. Приходилось глотать ярость, чуть не поперхнувшись.

К счастью, бзик монаха длился недолго: обнюхав бусину, он с прежним безразличным видом поднял голову.

Поразмыслив мгновение, он обратился к Сюэ Сяню:

— Я пока придержу Золотую бусину у себя. Возражения есть?

Есть! Не отдам! И не мечтай!

Мысленно кричал Сюэ Сянь, но снаружи по-прежнему хранил молчание.

— Хорошо, — решил Сюэ Сянь за него, убирая бусину в потайной карман у самого пояса. Там она слегка мешала при каждом движении, зато потерять её было сложнее.

Сюэ Сянь тут же сник, понутив голову, и всё желание что-либо делать пропало. Дело было не в том, что он боялся, будто Сюань Минь заберёт бусину себе, просто он провёл без своего истинного тела больше полугода и, наконец найдя его, никак не хотел выпускать из рук.

Лишь когда Сюэ Сянь заворочался, Сюань Минь заметил, что его поза довольно странная: он уже долгое время прикрывал рот лапой, не меняя положения. Монах на мгновение замер, осознав причину такой «послушности» этого недоразумения. Помолчав, он обратился к юному воришке:

— У тебя есть жаровня?

Мальчишка, хоть и был достаточно дерзок, чтобы украсть Золотую бусину, всё же оставался лишь подростком, и после короткой «воспитательной беседы» с Сюань Минем заметно присмирел.

Услышав вопрос, он не посмел проигнорировать его. С неохотой косо взглянув на гостей, мальчишка вошёл в единственную пригодную для сна комнату во флигеле. Послышался грохот, будто там затеяли погром, а спустя минуту он вышел, волоча побитую медную чашу, и с лязгом бросил её перед Сюань Минем.

— Благодарю, — невозмутимо ответил тот.

В углу под навесом лежали две вязанки хвороста. По сравнению с запасами обычных семей, этот хворост выглядел жалко: кривые сухие ветки, явно не лучший материал. Сюань Минь сломал несколько веточек, поджёг их от огнива и бросил в жаровню.

Сухие ветки разгорались неохотно, но вскоре в чаше заплясали языки пламени, и в их дворике, похожем на курятник, стало немного уютнее.

Мальчишка поначалу упорно не смотрел в сторону Сюань Миня, но вскоре не выдержал тепла и, не проронив ни слова, подвинулся ближе к огню, украдкой потирая замёрзшие руки.

Сюэ Сяня и Цзян Шинина Сюань Минь повесил на ветку цветущей форзиции. Расстояние до жаровни было идеальным: чуть ближе — и обгорели бы, дальше — было бы холодно.

Огонь пошёл на пользу отсыревшим бумажным телам. Сюэ Сянь почувствовал, как медленно высыхает.

Вися на ветке, он увидел, как Сюань Минь вытащил из другого потайного кармана сложенный лист тонкой бумаги. С его ракурса было видно, что лист исписан множеством знаков: где-то сплошные ряды текста, где-то отдельные слова и даже... рисунки?

Сюань Минь бросил взгляд на одну из пометок, затем снова сложил бумагу и убрал.

Он спросил мальчишку, которому на вид было лет восемь-девять:

— Ты по фамилии Лу?

Сюэ Сянь и мальчишка одновременно вздрогнули.

— А тебе зачем? — настороженно спросил юный вор.

— Значит, верно, — по выражению лица мальчишки Сюань Минь всё понял. Он продолжил: — У тебя есть незрячий старший брат?

Мальчишка покраснел и взорвался:

— Ты кто такой?! Зачем ищешь Лу... зачем ищешь его?!

Сюэ Сянь с удивлением посмотрел на Сюань Миня. Подумать только, этот лысый пришёл не только за ним, но и кого-то ищет? Какое совпадение!

Пока он размышлял, впитавшая воду бумага на его рту и когтях просохла, и лапа наконец отлипла, позволив ему говорить.

— Где Лу Шицзю? — не выдержал Сюэ Сянь. — Мне нужно одолжить у него вещь, чтобы найти человека.

Он бывал здесь пару раз, но с братьями Лу был знаком поверхностно: знал лишь, что их родители давно умерли, старший с рождения был незрячим из-за связи с миром духов, а младший — немного туговат на ухо после травмы. Жили они как могли, и отношения между ними, мягко говоря, были прохладными. Поскольку старших в семье не было, а сами они не успели обзавестись своими семьями, у них даже не было официальных имён — только прозвища, данные при рождении: старшего звали Лу Шицзю, а этого восьми-девятилетнего мальчишку — Лу Эрци.

Лу Эрци, несмотря на юный возраст, не был глупым ребёнком. Услышав Сюэ Сяня, он сказал:

— Я помню тебя. Слышал твой голос, ты уже приходил искать Шицзю.

Он был привычен к странностям, которые случались рядом с братом, поэтому говорящая бумажная кукла его не напугала. Он вёл себя удивительно хладнокровно.

— Приходил дважды, но впервые меня встретили таким «радушным» приёмом, — Сюэ Сянь вспомнил вылитую на него воду и фыркнул. — Ладно, оставим это. Где Лу Шицзю? Куда он делся и когда вернётся? И вообще, с чего ты вздумал воровать чужие вещи?

Только он закончил фразу, как из глаз Лу Эрци без предупреждения покатались крупные слёзы:

— Я тоже ищу его... уже больше полумесяца. Он... он в реке.

Сюэ Сянь: «...»

В смысле — «в реке»?

Лу Эрци вытер слёзы, вновь приняв упрямый вид. Он теребил край своей одежды и, не глядя ни на Сюань Миня, ни на Сюэ Сяня, уставился на догорающее пламя жаровни.

— Где-то полмесяца назад Лу Шицзю сказал, что ему нужно на Остров Могильных Холмов посреди реки...

Река у уезда Волун была довольно мелкой и узкой, посреди неё разбросаны островки. Большинство из них совсем крошечные — даже этот флигель, где жили братья, занял бы весь островок целиком. Там рос лишь белый тростник, да отдыхали птицы.

И лишь один остров был чуть больше остальных, едва дотягивая до звания острова.

Издалека он казался густой зелёной шапкой или могильным холмом — отсюда и пошло название Остров Могильных Холмов.

Люди не любили там бывать: неуютное, дикое место, сплошь сорняки да заросли. Единственные частые гости — травники из окрестных деревень: поговаривали, что почва на острове влажная и плодородная, и там растёт много целебных трав.

Лу Шицзю был там два или три раза.

В то утро, полмесяца назад, Лу Эрци проснулся и обнаружил на кровати записку. Лу Шицзю не умел пользоваться кистью, поэтому писал, обмакивая палец в тушь, — его почерк был легко узнаваем. На клочке бумаги кривыми знаками было начертано: Ушёл на Остров Могильных Холмов.

Как и подмечали соседи, братья не были близки: Эрци был колючим и неуживчивым, а Шицзю — странным и немногословным. Оставить записку и уйти было для него обычным делом.

Эрци не придавал этому значения: сердито ворча, развёл огонь, приготовил еду и пошёл за хворостом, ожидая возвращения брата.

Но наступила ночь, пошёл дождь, а Шицзю всё не было.

— Я ходил на пристань, лодочники сказали, что из-за сильного дождя к острову не пойдут. Сказали, что Шицзю уплыл на лодке Старика Лю. Но Старик Лю тоже не вернулся. Скорее всего, из-за ливня они решили переждать непогоду на острове, — рассказывал Эрци. Несмотря на возраст, говорил он чётко. — Я присмотрелся: посреди реки горели огни лодок, подумал,

что они действительно прячутся от дождя, и вернулся. А потом...

А потом дождь лил три дня, река поднялась. Эрци каждый день бегал на пристань, надеясь увидеть огни, и нервно ждал окончания ливня. Наконец, он наскрёб несколько монет, нанял лодку и добрался до Острова Могильных Холмов, но ни брата, ни Старика Лю там не оказалось.

— Я исходил остров вдоль и поперёк, но не нашёл его. Правда, однажды мне послышался его голос, — сказал Эрци. — Но когда я окликнул его, звук пропал.

Так он наведывался на остров раз шесть или семь, но всё без толку. Несколько дней назад у острова образовались опасные водовороты, лодки стали переворачиваться, и лодочники наотрез отказались туда плавать, как бы Эрци их ни упрашивал.

Ещё хуже было то, что в последние дни по ночам и ранним утром кто-то стучал в дверь. Первые пару раз он думал, что вернулся Шицзю, и бросался открывать, но за дверью никого не было. А возвращаясь, он замечал, что в сундуке кто-то рылся.

— Там были наши сбережения — четыре связки монет! Всё пропало! Ни гроша не осталось! На что мне теперь нанимать лодочника?! — от ярости мальчишка был похож на взъерошенного щенка.

Сюэ Сянь хмыкнул:

— Неудивительно, что ты окатил меня водой. Какая нечестивая тварь додумалась обокрасть восьми-девятилетнего ребёнка! Но ты не имеешь права грабить меня только потому, что у самого украли деньги. Где логика? Если бы я сейчас не был в таком жалком положении, я бы повесил тебя вниз головой над рекой, чтобы ты протрезвел.

— Кто это восьми-девятилетний?! — покраснел до корней волос Лу Эрци.

— Ты! — отрезал Сюэ Сянь. — А кто же ещё?

— Мне пятнадцать! — раздражённо выпалил мальчишка. — Просто я болел в детстве и не вырос, не суди о возрасте по лицу!

Сюэ Сянь был удивлён, но сколько лет этому несносному ребёнку и почему он не растёт, его не заботило — куда важнее было знать, жив ли Лу Шицзю.

Очевидно, не только его одного мучил этот вопрос.

Сюань Минь взмахнул рукавом, и пламя в жаровне погасло, оставив лишь тонкую струйку сизого дыма. Он протянул руку, снял Сюэ Сяня и Цзян Шинина с ветки. Бумажные тела

просохли окончательно.

Единственной бедой было то, что тушь на лицах немного расплылась.

Цзян Шинин, поспешно приняв человеческий облик, выглядел неважно: под глазами у него проступили тёмные круги, занимавшие чуть ли не половину лица, из-за чего он выглядел как тяжелобольной на пороге смерти. Сюэ Сяню повезло ещё меньше: поскольку он не мог вернуться в человеческий облик, расплывшаяся тушь превратилась в кровавые подтёки, стекающие из глаз и носа.

Выглядело это... мягко говоря, пугающе.

Сюань Минь мельком взглянул на них и решительно сунул Сюэ Сяня обратно в карман, сохранив на лице выражение «с глаз долой, из сердца вон».

Лу Эрци, увидев, что холодный монах собирается уходить, спросил:

— Вы куда?

— К центру реки, — ответил Сюань Минь.

Мальчишка вскочил и бросился следом:

— Искать Лу Шицзю? Возьмёте меня? Я тоже хочу!

— Как хочешь, — бросил Сюань Минь, не оборачиваясь, и зашагал к пристани.

Сюэ Сянь, давно не бывавший в кармане Сюань Миня, обнаружил там много нового. Помимо его драгоценной Золотой бусины и свёртка с иглами, там лежало несколько металлических предметов. Сюэ Сянь подобрался ближе, потрогал их, попробовал на зуб...

Серебро. Причём немало. Интересно, где он успел его раздобыть?

На пристани, окутанной снежной дымкой, покачивалось несколько лодок. Лодочники попрятались в каюты, было безлюдно и холодно.

Сюань Минь позвонил в медный колокольчик на флагштоке. Лодочники высунули головы, и один из них лениво крикнул:

— Слишком сильный туман, через реку не переправиться, приходите позже!

— Нам не через реку, — Сюань Минь указал на середину потока. — На Остров Могильных Холмов.

Услышав это, лодочники покачали головами и тут же скрылись в каютах. Лишь один, казавшийся поприветливее, пояснил:

— Рядом с тем островом водовороты, лодки уже переворачивались. Вы не местные, да? Советую выбрать другое место, никто из нас туда не поплывёт.

Сюань Минь выслушал его и спросил:

— Если просто арендовать лодку, сколько это будет стоить?

Лодочник замялся. Арендовать прогулочное судно — дело обычное, но вот такую лодку — редкость. Управлять ей трудно, и без лодочника обычный человек вряд ли доберётся до другого берега в целости и сохранности.

— Это... — засомневался он.

Сюэ Сянь, не церемонясь, вытащил из кармана две серебряные монеты и выставил их из-за края ткани.

Сюань Минь: «...»

Он перехватил серебро, запихнул лапу Сюэ Сяня обратно в карман и, не тратя лишних слов, передал монеты лодочнику.

Оказавшись в темноте, Сюэ Сянь продолжал суетиться, хлопая Сюань Миня по боку:

— Я сейчас не могу платить, не переживай, не пользуюсь твоей добротой — потом верну в двойном размере.

Сюань Минь предпочёл сделать вид, что его не существует.

Лодочник взял серебро, взвесил на руке и смутился:

— Это слишком много.

Но Сюань Минь был так холоден, что казался холоднее снежной крупы. Поняв, что переубедить его не удастся, лодочник молча уступил лодку. Перед тем как Сюань Минь и остальные взойшли на борт, он с тревогой спросил:

— Вы точно умеете управлять судном?

Лу Эрци разделял его опасения, но боялся, что если начнёт задавать вопросы, Сюань Минь передумает. Поэтому, проглотив сомнения, он с подозрением поглядывал на Сюань Миня и Цзян Шинина, ступая следом за ними на борт.

Перед тем как подняться на палубу, Сюань Минь сорвал стебель тростника.

Эрци гадал, зачем ему тростник, но тут Сюань Минь вытащил из-за пазухи сложенный жёлтый талисман, приклеил его к носу лодки, скомандовал «в путь» и опустил тростник в воду. Лодка послушно заскользила по волнам. Сюань Минь слегка встряхнул тростник, и лодка направилась прямо к островам посреди реки.

Эрци долго смотрел на знакомый жёлтый талисман и наконец вспомнил — это тот самый, которым Сюань Минь лепил ему на лоб. Он возмущённо подумал: ты что, не мог придумать что-нибудь другое?

Даже при наличии управляющего талисмана и тростника, Сюэ Сянь не доверял Сюань Миню. Он прильнул к самому краю кармана и, не отрываясь, следил за его рукой.

Немного погодя он не выдержал:

— Зачем тебе Лу Шицзю? Тоже хочешь одолжить что-то, чтобы найти человека?

Сюань Минь уже собирался ответить, как вдруг Лу Эрци вскрикнул:

— А!

Что за истерики?

Сюэ Сянь обернулся и увидел, что Лу Эрци, стоявший у борта, от чего-то отпрянул, попятился и шлёпнулся на палубу. Он хотел опереться рукой, но вскрикнул от боли и отдёрнул её. Было поздно: ладонь была рассечена, из раны хлынула кровь.

— Что случилось? — Цзян Шинин схватил его за запястье, точно прижимая пальцы выше раны.

— О что порезался?

— Железка какая-то, — пробормотал Эрци, ёжась от ледяных пальцев Шинина.

На палубе, где он сидел, в щели между досками торчал острый железный осколок, перепачканный кровью.

Цзян Шинин огляделся и подхватил забытый лодочником кувшин с вином.

— Будет больно, терпи, — сказал он, откупорил кувшин и, не жалея, вылил вино на рану.

— Ты что, убить меня хочешь?! — завопил Эрци. — Больно, больно, больно! Жжёт! А-а-а!

— Чего орёшь, зажми рану, — Цзян Шинин, выросший в аптеке и повидавший немало кричащих от боли людей, оставался невозмутимым.

На холоде вино быстро остыло, кровь остановилась. Эрци всё ещё всхлипывал, разглядывая свою ладонь с выражением вселенской скорби.

Цзян Шинин плеснул на руку речной воды, смыл остатки крови и отступил в сторону.

Когда кровь исчезла, линии на ладони стали отчётливо видны. Сюань Минь бросил взгляд, нахмурился, подошёл и, схватив Эрци за запястье, принялся внимательно изучать его ладонь.

Эрци не удержался от насмешки:

— Ещё один любитель разглядывать линии на ладонях.

— В смысле «ещё один»? Кто ещё? — спросил Сюэ Сянь.

Он поначалу не придавал значения, думая, что монах осматривает рану. Но, услышав ответ, выглянул из кармана. Увидев линии на ладони мальчика, он остолбенел.

— Лу Шицзю, — проворчал Эрци.

— Разглядывал... линии? — Цзян Шинин поднял голову. Сюэ Сянь говорил, что Лу Шицзю незрячий, как же он мог что-то разглядывать? К тому же, как слепой смог в одиночку добраться до острова? Вслепую, ощупью?

Эрци понял его сомнения:

— Для обычных людей он слеп, но он может ходить — хоть и медленно. Он «видит» то, чего другие не видят. По его словам, это потоки ци и формы... звучит как бред, я всё равно ничего не понимаю.

Закончив, он спросил Сюань Миня:

— Ну и что у меня с ладонью? Он постоянно хватал меня за руку и разглядывал линии, бормотал всякую ерунду. Я терпеть этого не мог! А он отвечал, что у меня линии долгожителя, просто в юности будет несладко, и он хотел посмотреть, насколько именно.

Цзян Шинин: «...» Ну и брат...

Но... долгожителя?

Сюэ Сянь, глядя на ладонь, был в шоке: он вообще не понимал, откуда взялось это «долгожительство»!

Линии на ладони Лу Эрци ясно указывали на скорую и безвременную кончину в юном возрасте.

<http://bllate.org/book/21932/2278730>